

ОТЗЫВ

официального оппонента о диссертации Королевой Веры Владимировны «„Гофмановский комплекс“ в русской литературе конца XIX – начала XX веков», представленной на соискание ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.01.01 — русская литература

Творческое наследие Э. Т. А. Гофмана по праву может считаться программным документом, предопределившим многие тенденции развития отечественной культуры второй половины XIX в. и начала XX столетия. В то же время было бы легкомысленно полагать, что истинная роль гофмановского влияния на русских романтиков и создателей Серебряного века осмыслена научным сообществом в полной мере.

Рубежное положение Гофмана в западноевропейской культуре изначально затрудняет 1) возможность «чистого» исследования его текстов, а также 2) возможность прямой интерпретации его связей с русской культурой. Именно этими причинами и обусловлено отсутствие системного научного изучения «гофмановского комплекса», без учета которого картина литературного процесса двух предшествующих столетий утрачивает свою полноту. Как справедливо отмечает соискатель в своем определении **актуальности** избранной темы, изучение «гофмановского комплекса», функционирующего на уровне «идейно-тематического единства образов, мотивов и стилистических приемов в прозе, лирике и драме символистов, а также театральной практике позволит проследить характер влияния немецкого романтизма на формирование русской литературы и культуры рубежа веков», ликвидировав, таким образом, ряд лакун в научном описании Серебряного века и всего русского литературного модернизма.

В развернутой истории вопроса В. В. Королева дает глубокий критический обзор того, как развивалась тема Гофмана в отечественном и западноевропейском литературоведении. Соискатель корректно сопоставляет классические и современные труды по гофмановскому вопросу, демонстрирует ясное понимание различных концепций, что в итоге и позволяет ей сформули-

лизовать **гипотезу**, согласно которой «необычный гофмановский стиль, ставший узнаваемым в русской литературе, благодаря творчеству писателей начала XIX века проявляется в русской литературе и культуре в виде „гофмановского текста русской литературы“», представляющего собой «единство: текстов Э.Т.А. Гофмана на языке оригинала, доступных русскому читателю, начиная с 20-х годов XIX века; переводов произведений немецкого романтика на русский язык, начиная с появления первого перевода в журнале „Сын отечества“ в 1822 году; стилизаций, аллюзий и цитаций произведений Э.Т.А. Гофмана в русской литературе XIX – XX веков» (с. 17).

С учетом отмеченных обстоятельств **научная новизна** диссертации не вызывает сомнений. В. В. Королева не просто вводит в литературоведческий дискурс два концептуально-значимых понятия: «гофмановский текст русской литературы» и «гофмановский комплекс», — но связывает их в единую систему с неомифологическим комплексом отечественной словесности. Последняя, что немаловажно, представлена весьма разнообразно: поэзия, малые и средние прозаические формы, драма и, наконец, символистский роман.

Цель и задачи работы в общих формулировках также не вызывают вопросов. Они опираются на результаты изучения истории вопроса и не противоречат определению научной новизны. Диссертант предлагает выделить идейно-тематический комплекс образов, мотивов и стилистических приемов, присущих перу Гофмана, и применить полученные результаты при изучении эволюции «гофмановского комплекса» в русской литературе конца XIX-начала XX вв. В задачах четко определены поступательный характер исследования, жанровые приоритеты и особо важные персоналии (А. Толстой, Вл. Соловьев, З. Гиппиус, А. Белый, В. Брюсов, Ф. Сологуб etc.).

Методологический раздел «Введения» написан довольно лаконично, что не мешает В. В. Королевой раскрыть комплексный характер будущей работы и определить базовые труды, нашедшие применение в исследовании. Разделяя авторскую позицию в целом, позволю себе высказать осторожное сомнение в необходимости использования работ некоторых современных

авторов (например, В. Топорова и А. Жолковского), теоретические построения которых (в силу объективных причин) не всегда пригодны для корректной работы с текстами Серебряного века, а также заметить, что, на мой вкус, было бы нелишне обозначить иерархию используемых методов анализа.

Однако в целом **методология**, предложенная автором хорошо подходит к избранному материалу, соответствует поставленным задачам и в связке с тщательно систематизированными и проработанными материалами обеспечивает требуемый уровень **достоверности и высокую степень обоснованности** результатов диссертационной работы.

Содержательная часть работы вместе с «Введением» занимает около 290 страниц и представлена 3 главами, разбитыми на разное количество разделов (1 глава — 3; 2 — 5; 3 — 6). В принципе, к композиционной неуравновешенности текста у меня особых вопросов нет. Очевидно, что диссертант идет от материала, который и диктует соответствующую структуру. Другое дело группировка разделов, но об этом несколько позже.

Первая глава исследования («Формирование „гофмановского комплекса“ в русской литературе») представляет нашему вниманию анализ первого этапа русской гофманианы. В центре внимания В. В. Королевой как общая картина отношений Гофмана с отечественной литературой первой половины XIX в., так и творческий диалог отдельных авторов (А. К. Толстой, З. Гиппиус) с великим романтиком. В этой части работы (как, впрочем и в дальнейшем) диссертант демонстрирует ясное понимание закономерностей развития русской прозы, высокий уровень владения избранными методами анализа и бережное отношение к исследуемому материалу.

Поскольку жанр отзыва не предполагает реферирования диссертации, я позволю себе сразу перейти к оценке основных результатов главы, среди которых, как мне представляется, особое значение имеет тезис о мифологическом этапе «в развитии „гофмановского текста русской литературы“ (конец XIX века-начало XX)». Последний, согласно справедливому мнению В. В. Королевой «отличается появлением устойчивых образов, архетипов и мифо-

логом, восходящих к гофмановскому творчеству» и дает начало «гофмановскому комплексу» отражающему и развивающему гофмановские же синтез искусств, романтическую иронию, гротеск и непрерывное пародирование, психологизм и проблему двойничества, вопросы механизации жизни и человека, «зеркальную» концепцию сущностей etc. (с. 52)/

Применяя отмеченные положения к текстам А. К. Толстого, В. В. Королева доказывает живой характер идейно-тематических связей произведений Толстого с произведениями Гофмана (образ Дон Жуана, inferнальный цикл etc.). Особо важно, что в процессе сопоставления диссертант выявляет ряд значимых расхождений с немецким первоисточником; например: «В рассказе „Упырь“ вслед за Гофманом появляются бытовая фантастика и ожившие предметы <...>. Однако, налицо не только сходство, но и различие: Толстой с помощью этого приема описывает только мифологический мир, в котором, как у Гофмана, фантазия не имеет границ, а в мире реальном — все упорядоченно и реалистично» (с. 72). В сущности, именно подобные наблюдения шаг за шагом легитимизируют понятие «гофмановского комплекса», выступающего как самостоятельная и онтологически-самодостаточная (в определенной мере, конечно) единица русского литературного дискурса.

В том же ключе можно оценить результаты раздела, посвященного проблеме «зеркальности» и осмыслению этой проблемы в текстах Гиппиус. Диссертант, демонстрируя хорошее понимание материала, обозначает, каким образом реализуется связь «зеркальных» оппозиций Гофмана с вопросами, волновавшими королеву русского декаданса: «Оппозиция „живое“ — „неживое“, которая восходит к поэтике Гофмана, в творчестве Гиппиус является ярким авторским приемом. При этом элементы оппозиции, как у Гофмана, нередко меняются местами: „живое“ становится подобно „неживому“, а „неживое“ продолжает жить. <...> В мире, который Гиппиус создает в своем рассказе, все абсурдно: „неживое“ управляет „живым“, „живое“ подавляется „мертвым“, и настоящие чувства теряют смысл. Неудивительно, что герои познают друг друга через отражение в зеркале» (с. 78). Но, на мой взгляд,

значительно важнее выявленная диссертантом метаморфоза названной оппозиции, в которых место «неживого» занимает европейская культура, противостоящая культуре русской, которая, согласно Гиппиус, «отличается духовностью и чувством национального единения» (с. 85): ведь в данном случае «гофмановский комплекс» выходит за рамки собственно литературы, становясь органической частью неохристианской апологетики.

Во второй главе («Трансформация „гофмановского комплекса“ в русской символистской прозе) В. В. Королева разрабатывает связи Гофмана с творчеством, Д. Мережковского («Воскресшие боги»), В. Брюсова («Земная ось», «Огненный ангел»), А. Белого («Рассказ № 2», «Петербург») и Ф. Сологуба («Мелкий бес»). Пытается ли соискатель объять необъятное? В какой-то мере — да. Однако внешняя широта охвата компенсируется четко поставленными задачами и глубокой проработкой концептуально-значимых позиций. Миф о художнике в интерпретации Мережковского выводит нас на вопрос о двойничестве и позволяет подробно рассмотреть проблематику личностного уровня в текстах русских старшего и младшего поколения русских символистов. В. В. Королева успешно выявляет важные расхождения между первоисточником и его «прочтением» в произведениях русских авторов. Отметим наиболее яркие наблюдения соискателя:

— гофмановская антитеза подлинного и ложного искусства у Мережковского переходит на онто-гноссеологический уровень, раскрывая суть надлома в духовном развитии христианского (в целом) и католического (в частности) мира — «порок прикрывается святостью. Этот процесс в христианском искусстве отражается в появлении двойственных образов, сочетающих в себе языческое (плотское) с истинно христианским (духовным)» (с. 102);

— в «Земной оси» Брюсова «гофмановский комплекс», реализуясь практически целиком, находит наиболее яркое отражение в авторской версии романтического двоимирия, где ирония и гротеск выполняют деструктивную функцию, а двойники тесно связаны с социальными процессами (с. 115);

— в прозе Андрея Белого „гофмановский комплекс“ (синтез искусств, двойничество, проблема механизации общества и утраты личности) становится важнейшим участником становления поэтики символистского романа, но при этом «русский писатель не столько опирается на гофмановскую традицию, сколько полемизирует с ней, трансформируя черты романтической поэтики в своем творчестве» (с. 155);

— в «Мелком бесе» «гофмановский комплекс» воплощается, скорее на уровне структуры, поскольку автор (что, отмечу, всегда отличало Сологуба) создает «неповторимый мифологизированный мир», в котором «все герои заражены пошлостью, утратили духовность, превратившись в автоматы, которые способны только на обман, зависть, злобу и жестокость» (с. 169).

Коме того, поначалу неожиданное сопоставление Гофмана с «Огненным ангелом» завершается убедительной демонстрацией генетической связи текста с «Эликсирами дьявола» — «двойничество, основанное на множественном расщеплении сознания, <...> игра героями, как марионетками» плюс использование «гофмановской» структуры «в построении романа» (с. 128).

Завершающая глава («„Гофмановский комплекс“ в поэзии и драме рубежа XIX-XX веков») по сравнению с предыдущими «звучит» несколько сумбурно. Сначала В. В. Королева рассматривает «гофмановский комплекс» в театральной эстетике Серебряного века, затем переходит к гофмановской иронии и гротеску в шуточных пьесах Вл. Соловьева, и эта связка выглядит вполне логичной. Однако далее на первый план выходят «черты гофмановского стиля в поэзии А. Белого и его теории символа» (с. 194), «драматическая реализация „гофмановского комплекса“ у А. Блока» (с. 205), «гофмановский комплекс» у Леонида Андреева (с. 246) и под занавес «театральная реализация „гофмановского комплекса“ в постановках В. Э. Мейерхольда» (с. 268). Внутренняя логика подобного композиционного решения мне понятна, хотя при первом прочтении все же присутствовало легкое недоумение. Нет, в целом третья глава и ее результаты заслуживают высокой оценки, но композиционное решение вряд ли можно признать удачным. Скажем, Соловьев,

Белый и Блок гораздо лучше смотрелись бы в рамках одного раздела, а точный анализ гофмановского компонента в театральной эстетике Серебряного века можно было бы легко совместить с Мейерхольдом и Андреевым. Тем более что мои рекомендации не противоречат содержательно-резюмирующей части 5 и 6 разделов (андреевский перенос приемов гофмановского стиля в драмы «Царь-голод», «Жизнь Человека», «Черные маски»; особенности театрального сотрудничества Андреева и Мейерхольда etc.), а также общим выводам главы, где обоснованно подчеркивается структурообразующая роль «соловьевского» этапа, оказавшего значительное влияние на формирование «гофмановского комплекса» младосимволистами, которые развивали его смыслообразующие элементы (с. 281–282).

В «Заключении» представлены обобщенные результаты проделанного в основной части анализа. Все представленные диссертантом выводы логически связаны с целью и системой задач и не противоречат выносимым на защиту положениям. На этом мы переходим к основной для оппонирования — критической — части отзыва. Еще раз подчеркну, что в целом работа производит хорошее впечатление, и тем не менее:

1. Хотелось бы уточнить, *а)* почему в положениях, выносимых на защиту, отсутствует имя В. Ф. Одоевского и *б)* почему диссертант подчеркивает, что в «Космораме» «образ зеркала становится устойчивым» (с. 35), хотя собственно «зеркало» упомянуто там всего лишь трижды и безо всякого романтического подтекста?

2. Точные определения для большинства произведений Серебряного века (в силу их синтетической природы) подбираются достаточно сложно. Видимо, по этой причине у диссертанта в одном ряду стоят модернистский, синтетический и символистский роман (с. 169–170). Я попросил бы В. В. Королеву пояснить: *а)* как соотносятся между собой названные типы романов; *б)* можно ли теперь относить «Воскресших богов» с «Огненным ангелом» к опытам исторического романа и говорить о реализме в «Мелком бесе»?

3. Анализ гофмановской линии в драматургии Блока не вызывает возражений. И все же, почему драматические образы «двойников» Блока практически не соотносятся с «двойниками» его лирической трилогии?

Впрочем, заданные вопросы имеют по большей части дискуссионный характер и никоим образом не ставят под сомнение уровень диссертационного исследования в целом.

Положения, выносимые на защиту сформулированы корректно, опираются на результаты кропотливого многоуровневого анализа, а главное — отражают основные позиции, определяющие научную новизну работы.

Научная ценность диссертации В. В. Королевой не вызывает сомнений, так как диссертантом представлен систематизированный взгляд на эволюцию русской гофманианы, обоснованы понятия «гофмановского текста» и «гофмановского комплекса» и ликвидирован ряд лакун в исследованиях, посвященных связям Серебряного века с европейским романтизмом.

Теоретическая и практическая значимость работы также несомненны. Первая определяется прежде всего возможностью применения понятий «гофмановский комплекс» и «гофмановский текст» для выявления базовых закономерностей литературного процесса и научного осмысления картины мира, формируемой различными литературными направлениями, в том числе романтизмом, русским символизмом и другими представителями Серебряного века. Вторая — возможностью использовать результаты работы в соответствующих вузовских курсах, учебных и учебно-методических изданиях, а также в различных междисциплинарных исследованиях.

Таким образом, можно с уверенно говорить о том, что диссертационное исследование В. В. Королевой является цельным, самостоятельным и, безусловно, полностью состоявшимся сочинением научно-квалификационного характера. Диссертация соответствует паспорту специальности 10.01.01 — русская литература по следующим пунктам: п. 3 — «История русской литературы XIX века (1800–1890-е годы)»; п. 4 — «История русской литературы XX–XXI веков»; п. 9 — «Индивидуально-писательское и типологическое выра-

жения жанрово-стилевых особенностей в их историческом развитии»; п. 18 — «Россия и Запад: их литературные взаимоотношения»; п. 19 — «Взаимодействие литературы с другими видами искусства».

Результаты диссертации, которая содержит в себе решение задач, имеющих принципиальное значения для литературоведения, несомненно, являются ценными.

На основании сказанного можно заключить, что диссертация Веры Владимировны Королевой «„Гофмановский комплекс“ в русской литературе конца XIX – начала XX веков» отвечает требованиям, предъявляемым пп. 9–14 «Положения о присуждении ученых степеней» (Утверждено постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842), и ее автор заслуживает присуждения искомой ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.01.01 — русская литература.

31 августа 2020 г.

Доктор филологических наук (специальность 10.01.02 — литература народов РФ), доктор философских наук (специальность 09.00.03 — история философии), профессор; Заслуженный деятель науки РФ; профессор кафедры литературы и русского языка филологического факультета ГА-ОУ ВО Ленинградской области «Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина»; 196605 Санкт-Петербург, г. Пушкин, Петербургское шоссе, д.10 лит. А; тел.:(812) 466-65-58 (приемная ректора), 8 (812) 451-98-42 (деканат); pushkin@lengu.ru, filolog.dekanat@lengu.ru



Слободнюк Сергей
Леонович

профессора С.А. Слободнюка заверяю.
Ученый секретарь ЛГУ им. А.С. Пушкина Н.В. Поздеева
31 08 2020 года